

Все совпадения случайны, географические названия взяты с потолка, имена не настоящие, фамилии сгенерированы случайным образом. За достоверность приключений и описываемых событий автор не отвечает.

Глава 1

Мерный перестук колес. Запахи жареной курочки, вареных яиц, копченой колбасы, обильно перемешанные с крепким убойным ассорти мужских ароматов, такие привычные для старой доброй плацкарты. Бренчание подстаканников, шум просыпающегося вагона, ругань очередников в уборную в конце вагона — надо же, какой интересный реалистичный сон. До мельчайших подробностей прорисован.

Сладко потягиваюсь, словно провел ночь на пуховой перине, а не на тощем комковатом матрасе, обернутом во влажное серое рубище со смазанным штампом, должное изображать простыню.

Хороший сон, качественный. Когда же я последний раз пользовался услугами родной РЖД? Лет двадцать назад! Привык к самолетам — быстро, удобно, не особо дорого. По слухам от тех, кто все же пользовался поездами, качество заметно выросло с тех пор. Кондиционеры даже в плацкарте теперь не редкость, а в купейном вагоне вполне себе человеческие условия. Но это явно не тот поезд — здесь все старое, кондовое, привычное, как и должно быть в моем подсознании.

— Ну ты спать горазд! Вставай уже давай, скоро Дербент, санитарная зона.

Смутно знакомое лицо. Молодое и нахальное, с широкой белозубой улыбкой.

— Леха, и ты здесь? — память услужливо извлекает из дальних, давно не используемых закутков мозга

нужную информацию. С Лехой мы учились в одной школе, после восьмого класса судьба нас раскидала, потом снова свела в одной части и в одном призыве. Надо бы найти его телефон как-нибудь, посидеть за рюмкой чая, вспомнить былое, поговорить о семьях, детях, о внуках, о жизни вообще и о тех, кого уже рядом с нами нет.

Впрочем, сейчас новоявленный Алексей выглядит слишком молодо для своих пятидесяти лет. Какие там внуки — в таком возрасте он ещё со своей благоверной даже не познакомился. Лет восемнадцать-девятнадцать максимум. Нравится мне сон — насыщенный, и персонажи словно живые.

— Дербент, говоришь?

— Ага, столица Дагестанской АССР. Слезай, сейчас хавать будем. Мне бабушка пирожков напекла — пальчики оближешь, потом руки помоешь и ещё раз оближешь. Вкуснющие!

Все правильно. Тебе как раз столько и должно было быть. И Дербент мы проезжали, когда призвались и в часть ехали. Пирожков, правда, не помню. Но, по идее, почему им не быть в моем сне для полной достоверности? Должны мы были что-то есть в пути?

Что мы имеем в наличии? Полное совпадение с исторической реальностью, все, как и должно быть. Молодой организм, восемнадцати лет от роду, по всем признакам мой собственный, даже без зеркала могу с уверенностью это подтвердить.

Рубашка белая хлопчатобумажная, брюки куплены в ЦУМе за девятнадцать рублей еще в девятом классе. Олимпийка синяя на молнии — точно помню, была у меня такая. Забавная игра памяти — даже цену вспомнил. Хотя быть этого никак не может — уже тридцать лет прошло.

Вещи старые, поношенные — тоже логично, новые, отправляясь в армию, никто в здравом уме не надевает. Оно вроде можно выслать домой, но чаще всего все просто пропадает или «деды» приватизируют. Хотя слово это здесь еще неизвестно широким массам.

Спрыгиваю с верхней полки и...

— Твою дивизию! — коленкой въехал в откидной столик, и оказалось, что это зверски больно.

Минут десять я молча сидел на нижней полке, пока не отошел от шока. Боль в ушибленной конечности мгновенно развеяла последние сомнения. Никакой это не сон, а провал в прошлое. Банальное и уже привычное явление для любого поклонника литературных приключений во втором десятилетии двадцать первого века. Ходила шутка, что в июне сорок первого попаданцев уже больше, чем диверсантов из «Брандбурга», а в приемной Берии докладные о необходимости командирской башенки и промежуточного патрона только в письменном виде с иллюстрациями и в порядке живой очереди принимают.

— Ты не заболел, брателло? — вывел меня из транса голос Лехи. — Хлебни чайку и дуй быстрее в тубзик. Санитарная зона скоро, закроют нафиг, будешь потом за клапан держаться. За «сливной». Гы...

— Дербент — не столица Дагестана, а Махачкала.

— Да? — искренне удивился наш знаток географии. — А есть разница?

И вправду, рефлексировать можно потом, сейчас будет стоянка, минут сорок. Пополнение к нам добавится. Леха зачем-то купит на все деньги целый поднос заварных пирожных у разносчицы на перроне. Мы ими потом целый день давились и на утро тоже, а затем животами мучились.

Словно подтверждая мои слова, вечно неунывающий оптимист Леха вытащил из закровов червонец и обозначил желание гульнуть напоследок.

Как сказал бы продвинутый геймер в моем времени, Алексей тщательно ознакомился с гайдами перед «прохождением» игры и теперь пытался следовать полученным рекомендациям. В переводе на русский он собрал все слухи и рассказы бывалых друзей и соседей, отслуживших в армии, и пытался использовать их опыт на практике. Злую шутку с ним сыграло то, что все дембели, которые его учили уму-разуму, служили либо в стройбате, либо «вованами», то есть во внутренних войсках. Лишь с одним исключением — брательник отрубил три года на Северном флоте.

Вот кто-то из экспертов и поделился мыслью, что деньги в военной части все равно отберут граждане старослужащие, и будут в полном своем праве. Для стройбата, может, это и правда, но мы-то доблестные будущие пограничники, войска Кейджиби¹ между прочим. И такой беспредел здесь большая редкость. На самом деле, деньги в армии очень даже нужны, значительно облегчают жизнь, улучшают рацион и поднимают настроение. Тратить деньги в пути, тем более так глупо, вовсе не обязательно.

Кстати, сухпай с летехи надо требовать, иначе этот куркуль их проводнику за бесценок в конце пути сбросит. Только аккуратно надо повернуть, чтобы не засветиться. Вроде и невелика птица, замполит роты, лейтенант Коротченко, а зело вреден и пакостен, если невзлюбит случайно.

Снова выверты памяти, еще вчера я бы его и не вспомнил, и описать бы не смог. Сейчас увидел и сразу вспомнил» и самого «политрука», и его повадки.

¹ КГБ.

Оно вроде и не гнилой человек, помнится, но ненадежный — точно.

Итак, что мы имеем? Если память мне не изменяет, то сейчас начало ноября 1988 года. Поезд Москва—Баку, вагон плацкартный, как я уже упоминал, заполнен примерно наполовину. После Дербента, наоборот, народа будет больше, чем койко-мест. Местные, такое впечатление, что вообще билетов не покупают — проводнику на лапу дать вдвое дешевле выйдет. Кавказ, одним словом, советская власть здесь весьма своеобразная. В результате пассажиров окажется на треть больше, чем положено.

Наша команда из двадцати двух человек и одного животного. Под животными я подразумеваю не товарища лейтенанта, и даже не младшего сержанта Зайцева, охраняющего пайки. Хотя кликуха у него подходящая — Кроль.

С нами едет восточноевропейская овчарка, вместе с хозяином. Владельца овчарки помню смутно, он откуда-то с Правобережья призывался, на пару лет нас старше, ему уже за двадцать сейчас должно быть. Сразу после приезда в часть его отправили в ветслужбу, и мы его не видели больше. В учебке его не было, а после армии он куда-то исчез без следа.

Служить мы будем на иранской границе, как трудно догадаться, но до нее еще доехать надо. Впереди больше тысячи километров и пересадка в столице Азербайджана.

Если и были у меня сомнения, то вид на город Дербент, открывающийся из вагонного окна, развеял их окончательно. Он и в следующем веке не производит впечатления, особой красотой не блистал, за исключением исторической части. Сейчас же выглядит, как на кадрах старой кинохроники, причем черно-белой. Так

состарить декорации невозможно. Попаданство диагностировано окончательно и безусловно.

— Леха, ты только пирожные не покупай, — решил я предостеречь друга от главной ошибки этого путешествия.

— Чего так? — удивился он неожиданному совету. — Я бы съел парочку. В армии нас тортами точно кормить не будут.

— Тут очень хитрые и наглые продавцы. У них никогда сдачи не бывает, особенно с крупных купюр.

— И что? — лаконичности моего товарища позавидовал бы рядовой Бельдыев. Тот за все время службы и трехсот слов на русском не произнес, помимо тех, что в Уставе записаны. Может, потому что по-русски плохо говорил, а может, от природы неразговорчивый был. Впрочем, товарищ из солнечного Туркестана еще где-то в пути, наверное, и до части не доехал пока.

— Ты ему червонец дашь, продавец побежит на вокзал менять. А тебе в залог поднос оставит с пирожными. И конечно, опоздает. Нужны тебе пятьдесят эклеров?

— Скажешь тоже, опоздает. Стоянка минут сорок. За это время двадцать раз можно на вокзал сбегать, туда и обратно.

— Вот-вот, именно это он тебе и скажет. Чтобы ты согласился.

— Ай, выдумашь ты всякую ерунду.

Как только поезд подполз к перрону, тут же объявились лоточники с залежалым товаром.

Леха отправился на разведку и вернулся весьма озадаченный.

— У них мужики продавцами работают! И сговорились все. Никто с десятки сдачи не дает, обещают сбегать разменять на вокзал.

— Тут так принято, мужик в магазине торгует, баба в поле пашет и хозяйство тянет, — пояснил Камиль. — Садись лучше жрать, пожалуйста.

Камиль из татар, но городской, вылетел из института после первого курса, как и я. По-русски говорит чище многих, но хитрит и скрывает свою образованность. Тоже рабочая тактика в армии: прикинешься тормозом, от тебя и отстанут. Опытного прапора так, конечно, не проведешь, но какого-нибудь летеху после училища — запросто.

— Саныч, — любитель сладкого никак не уймется. Александр Александрович — это я, между прочим. — Саныч, я все одно не въеду. Он же в залог пятьдесят пирожных оставляет, по тридцать копеек каждое. Еще и поднос алюминиевый — он тоже денег стоит. Всяко больше червонца выходит. В чем обман?

— Ты пирожные сам считал или на слово поверил? — развеселился я. — Там штук сорок всего. К тому же они маргариновые. Им красная цена пяток за штучку в базарный день, да то если свежие. Поднос им проводница на обратном пути вернет. Тут схема надежная. И главное — никакого явного криминала.

— Тьфу, басурмане, совсем совесть потеряли.

Шутки шутками, а сейчас здесь столпотворение начнется, народ надо проинструктировать, как свой отсек оборонять от безбилетных попутчиков. Самый верный способ — собачку сюда перетянуть. Она отпугнет аборигенов.

Глава 2

Приходилось мне бывать в Баку в прошлой жизни, в следующем тысячелетии, считая от нынешнего. Уговорила супруга на Евровидение съездить. Кон-

траст разительный. Нет ещё зданий, похожих на языки пламени, и сам город больше похож на средневековый Стамбул с советским колоритом, а не на пародийный Дубай будущего. Но если честно, сейчас он выглядит намного интереснее, жалко, что знаменитую Девичью башню отсюда не видно. Не удивительно, что похождения Семен Семеновича из «Бриллиантовой руки» здесь снимали — никаких декораций не надо.

Сидеть нам на вокзале до самого вечера, если не ошибаюсь. Пока не соберем всю гоп-компанию из призывников, никуда не тронемся. А может, просто поезд раз в день до Астары ходит. Это небольшой городок на границе, половина наша, половина у персов. Но мы раньше ходим — нам в Лениноран надо, рано еще, сначала учебка три месяца в отряде. Отрядом в погранвойсках называется войсковая часть. Почему — не знаю, но вполне официальное наименование. Сороковой погранотряд, например.

У нас прибавление, сержант Сидоренко с дагестанским пополнением присоединился к нашей команде. Он вместе с нами на одном поезде прибыл, но в другом вагоне. В отличие от Зайца, отслужившего год, он «майский», ему на дембель весной. С ним у меня небольшой конфликт был на почве неуставных отношений, но мужик он в целом нормальный, не беспредельщик. Как говорят: не я такой, жизнь заставила.

Лейтенант, оправдывая высокое звание замполита, а, как известно, это самая важная и одновременно самая бесполезная должность в армии, забил на службу со всей возможной тщательностью. Возложил ответственность на сержантский состав, а сам забурился куда-то.

Зато нам лафа полная. Можно, как выразился Леха, свободно «шлындать» по вокзалу и даже по соседним магазинам пробежаться при желании. Бла-

го мы еще в гражданской одежке и патрулю до нас дела нет. Хотя я бы на это особо не надеялся, наши славянские рожи выделяются на фоне местных торговцев, как мексиканец среди эскимосов. Да и памятный «бомжеватый» вид сразу выдает будущих славных воинов.

С вокзала можно позвонить родителям. Прямо в здании есть переговорный пункт, где стоят междугородные автоматы. Цены кусаются: 15 копеек за полминуты, к тому же обмен денег тоже платный. Это местное ноу-хау. В аппарат нужно бросать только пятнадцатикопеечные монеты, а с собой их обычно много не бывает.

Для этого здесь же сидят несколько усатых мужиков в брутальных плоских кепках, так называемых «муходромах». У них можно обменять бумажные деньги на монеты. Но только с комиссией. Шесть монет за рубль или восемнадцать монет за трешку. Десять процентов комиссии идет в карман владельцу обменного пункта. Такса фиксированная, никто не уступит ни копейки, хотя занятие по идее абсолютно незаконное. Но здесь свое понимание социализма, поэтому перевоспитывать их бесполезно. Мы по наивности в прошлой жизни пошли жаловаться в линейный отдел милиции целой делегацией, так на нас там как на умалишенных посмотрели и вежливо послали слушать дальше.

Родителям позвонить не смог, минут десять стоял перед автоматом, но так и не решился. Позвонил соседке по дому, просил передать, что со мной все в порядке, а до них якобы не получилось дозвониться.

Поскольку продукты, взятые с собой, уже закончились, вторые сутки в пути, то встал вопрос с питанием. Летеха, как и в прошлый раз, даже не подумал кормить призывников, хотя количество мешков